

А.Кривопалов

**НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ
УКРАИНСКОЙ ОБОРОННОЙ ИНДУСТРИИ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2019-4-125-135

После распада СССР Украина унаследовала значительную часть советского военного и оборонно-промышленного потенциала. В результате раздела имущества Советской Армии Киев получил 6475 танков, 7153 бронетранспортера, 3392 артиллерийских орудия, 1431 самолет, 285 вертолетов [1, с. 4-5]. Огромные мобилизационные запасы, собранные на стратегических складах Киевского, Одесского и Прикарпатского военных округов, стали материальной основой новой украинской армии.

На момент крушения советского государства в распоряжении Киева оказалось примерно 25% производственных мощностей военно-промышленного комплекса бывшего СССР. На 1840 оборонных предприятиях работало примерно 2 млн. 700 тыс. человек и производилась, по некоторым оценкам, 1/3 совокупного валового национального продукта республики [2, р. 16]. Из общего количества предприятий 700 полностью работало на военные нужды, остальные были включены в оборонное производство опосредованно. Мощности военно-промышленного комплекса были сосредоточены на юго-востоке страны. На территории Харьковской, Луганской и Днепропетровской областей проживало 18% занятой в военном производстве рабочей силы, в Николаевской области – 25,5%, в Киеве и Киевской области – 17,5% [2, р. 16].

На рубеже 70-80-х гг. наращивание промышленного потенциала экономики УССР уже не обеспечивалось местной топливно-сырьевой базой и электроэнергетическими мощностями республики. Чем более индустриализировалась советская Украина, тем менее она становилась самодостаточной в роли «кузницы СССР», которая так импонировала ее партийному руководству. Между 1970 и 1994 гг. возможности республики удовлетворять свои потребности в топливе и электроэнергии снизились со 100% до 25% [2, р. 16].

Структурные особенности, характерные для советского военного производства, существенно затрудняли его реструктуризацию и плановую перестройку на гражданский лад [3]. Как и в России, на Украине начался процесс «обвальной конверсии», и в результате к 1995 г. выпуск военной продукции сократился до 1/10 по сравнению с уровнем 1991 г. Лишь около

100 специализированных военных предприятий, вопреки всем трудностям, по-прежнему продолжали свою работу [2, р. 16].

С обретением Украиной государственной самостоятельности, ее военно-промышленный комплекс столкнулся с теми же проблемами, что и весь индустриальный сегмент национальной экономики в целом. Отрасль весьма внушительно выглядела на бумаге, но в отрыве от народно-хозяйственной кооперации с бывшими союзными республиками, – в первую очередь с РСФСР, – она практически не имела потенциала дальнейшего развития. Военно-промышленный комплекс, хотя и оставался технологически весьма передовым, не был самодостаточной производственной системой.

Военно-промышленный комплекс Украины в 1991–2014 гг.

Хотя на территории УССР выпускалось около 25% советской военной продукции, это производство примерно на 80% обеспечивалось поставками разнообразных комплектующих из РСФСР. На ракетах, производившихся в Днепропетровске, устанавливались двигатели российского производства; танки Харьковского завода требовали поставок из России брони и орудий; кораблестроительные верфи в Николаеве строили корабли по чертежам, готовившимся в российских конструкторских бюро [2, р. 17].

Многочисленные предприятия и научно-исследовательские институты, находившиеся в пределах административных границ республики, не составляли полноценных замкнутых производственных циклов – от разработки проектной документации через строительство опытных образцов к разворачиванию серийного производства. Согласно усредненным оценкам 2010 г., военно-промышленный комплекс Украины обеспечивал полный цикл производства лишь для 8% своей конечной продукции [1, с. 18], поскольку он представлял собой набор предприятий-смежников, работа каждого из которых была возможна лишь в кооперации с российскими производителями.

До начала войны в Донбассе на внутренний оборонный заказ приходилось менее 30% общего объема военного производства. Чтобы выжить в условиях практически полного отсутствия заказов от собственной армии, оборонные отрасли украинской промышленности были вынуждены переориентироваться на внешние рынки. Объем экспорта в 2013 г. составлял 1,79 млрд долл., однако лишь малая часть экспортных прибылей реинвестировалась в оборонный сектор.

По экспорту вооружений Украина занимала восьмое место в мире [4]. Согласно другим источникам, в течение 2008–2012 гг. республика занимала

9-е место в рейтинге экспортеров вооружений, заработав на продажах 3,087 млрд долл. На страны Азии приходилось 47% общего объема экспортных поставок, 23% – на Африку, 21% пришелся на долю государств СНГ, 6% – на Европу и 3% – на Америку.

Примечательно, что 65–75% общего объема производства составляли товары низкого ценового сегмента и, как следствие, – с малой добавленной стоимостью. Таким образом, экспортные контракты поддерживали на плаву в лучшем случае лишь отдельные предприятия отрасли и не давали Украине возможности превратить советское военно-промышленное наследство в цельную, а главное – рентабельную систему производства.

Невозможность загрузить производственные мощности заказами привела к массовому закрытию предприятий и размыванию накопленного в советские годы научно-технического и кадрового потенциала. К примеру, в 1990 г. Украина выпустила 37000 металлорежущих станков, а в 2005 г. – 409. За годы независимости, только по официальным данным, из республики эмигрировали свыше 700 докторов и кандидатов наук, работавших преимущественно на оборонно-промышленный комплекс. Износ основных фондов приблизился к пороговому значению – 70% [1, с. 22-23]. Произошло стремительное сжатие производственной базы, поскольку выжили лишь те предприятия, которые сохранили свое место в российских производственных цепочках или в кооперации с Москвой работали на внешний рынок. Те формально новые образцы вооружений и боевой техники, которые Украина пыталась предлагать на экспорт, по сути, не могли производиться без российских комплектующих и агрегатов.

Накануне событий 2014 г. организация работы военно-промышленного комплекса республики в целом повторяла модель, сложившуюся в Российской Федерации. Ее отличительной особенностью стала централизация управления предприятиями, осуществляющими производство продукции двойного либо чисто военного назначения [5, с. 101]. Созданный в 2010 г. государственный холдинг «Укроборонпром» объединял 134 предприятия, на которых было занято 120 тыс. чел. [6, р. 67].

В 2010–2014 гг. объем чистых военных поставок с Украины в Россию, не считая продукции двойного назначения, составлял 50–65 млн. долл. ежегодно. Фактический объем военно-технического сотрудничества двух стран был еще выше. Например, только в 2012 г. стоимость поставок ракетно-космической техники достигла 260 млн. долл. Количество импортированных Россией авиадвигателей в 2010–2014 гг. увеличилось с 404 до 653 единиц. Общая сумма поставок, согласно оценочным данным, превышала 500 млн. долл. [7, р. 14].

До начала кризиса 2014 г. в кооперационных связях участвовало 850 российских и 79 украинских оборонных предприятий. Во взаимодействии с

РФ работало до 80% украинской оборонной индустрии, ежегодный оборот составлял 200 млн. долл. Украинское участие в российском военно-промышленном комплексе по различным оценкам составляло 3,5–4,4%, но в эту относительно небольшую долю входили поставки ряда важнейших узлов и агрегатов ракетной и авиационной техники. Номенклатура изделий, поставляемых друг другу предприятиями обеих стран, доходила до 7000–8000 наименований. Около 400 оборонных предприятий РФ зависели от поставок украинских комплектующих, номенклатура которых доходила до 3000–4000 наименований [8, р. 4-5].

К 2014 г. зависимость российского военно-промышленного комплекса от поставок от все более непредсказуемого соседа достигла опасно высокого уровня. Как было сказано выше, украинский оборонно-промышленный комплекс продавал России более 3000 отдельных узлов, агрегатов и готовых изделий. От этих поставок зависело производство более 200 систем вооружений [6, р. 66]. Особенно сильно зависимость от Киева проявлялась в сфере производства межконтинентальных баллистических ракет, вертолетов, авиадвигателей, турбин для корабельных силовых установок и военно-транспортных самолетов [9, р. 29]. В рамках политики импортозамещения к концу 2017 г. Москве удалось наладить самостоятельное производство 64% военной продукции, ранее поставлявшейся с Украины, а также 43%, прежде закупавшейся в странах Евросоюза и НАТО [7, р. 14].

К 2014 г. разрыв кооперационных связей с Украиной в той или иной мере повлиял на каждый пятый контракт, заключенный между российской промышленностью и вооруженными силами РФ [8, р. 4-5]. Но если для России задача практически полной локализации в стране военного производства потребовала дополнительных капиталовложений объемом примерно 10 млрд. долл., то для Украины такая локализация была практически невыполнима.

Развитие оборонной индустрии в условиях войны на Донбассе

В результате боевых действий в 2014–2015 гг. Киев утратил контроль над 18-ю предприятиями, расположенными на Донбассе, а еще ранее – над 13-ю на территории Крымского полуострова [6, р. 67]. К началу восстания на Донбассе вооруженные силы Украины пребывали не в лучшем состоянии. Основная масса доставшегося в наследство от СССР вооружения была распродана еще в 1990-е гг., причем зачастую по демпинговым ценам. Если сначала экспортировались запасы со стратегических мобилизационных складов, то затем на продажу пошла боевая техника и вооружение,

находившиеся на балансе действующих частей и соединений. В 2005–2014 гг. из имеющегося арсенала вооружений ВСУ было поставлено на экспорт 832 танка, 714 БМП и БТР, 202 самолета, 232 вертолета. В результате, к началу 2014 г. в ВСУ насчитывалось 732 танка, 2426 БМП и БТР, 523 орудия, 187 самолетов и 80 вертолетов [10, р. 25].

Начало войны на Донбассе резко изменило характер требований, предъявляемых к промышленности. Украинская армия вступила на театр военных действий неотмобилизованной и, следовательно, недоукомплектованной. Ее группировка в зоне так называемой антитеррористической операции представляла собой набор кадрированных формирований и не соответствовала принятой организационно-штатной структуре.

Бои на Донбассе обнаружили многие недостатки как самой украинской армии, так и ответственного за ее снабжение военно-промышленного комплекса. Проблемы организационного порядка лишь усугублялись недостатками материальной части. Более чем на 80% техника ВСУ была советского производства. Ресурс самолетов, вертолетов, бронетехники, самоходной артиллерии и автотранспорта оказался близок к полному исчерпанию, что влекло за собой тяжелые небоевые потери. Более половины из 800 единиц тяжелой бронетехники, потерянных ВСУ в сражениях 2014–2015 гг., вышли из строя по небоевым причинам. Износ планеров и авиадвигателей создавал угрозу того, что после летних боев 2014г., в случае продолжения кампании с прежней интенсивностью, украинская авиация просто не смогла бы подняться в воздух [10, р. 25].

Все более критической становилась ситуация в артиллерии. Как это нередко наблюдалось в крупных военных конфликтах XX в., недостаточную боевую устойчивость, слабую выучку и малочисленность своей пехоты украинская армия старалась компенсировать мощностью артиллерийского огня. Это влекло повышенный расход боеприпасов, а также ускоряло износ орудийных стволов. Для восполнения потерь артиллерийских бригад и формирования новых артиллерийских частей командованию ВСУ, ввиду острой нехватки самоходных орудий, пришлось снимать со стратегического хранения и ставить в первую линию буксируемые гаубицы 50-х годов.

Военно-политическое руководство Украины прибегло к паллиативным решениям, проведя в течение 2014–2015 гг. шесть волн частичной мобилизации, в ходе которых ряды регулярной армии и добровольческих милиционных формирований пополнили около 210 тыс. человек. Вопреки идеологическим догмам, эти шаги представляли собой движение в направлении, противоположном «натовским стандартам». Они были нацелены на оздоровление небоеспособной массовой кадрово-резервной армии и превращение ее в силу, опирающуюся не на фиктивные,

но на вполне реальные резервные компоненты. Общеизвестно, что в западноевропейских государствах механизм развертывания массовых армий на сегодняшний день практически повсеместно демонтирован. Шесть волн мобилизации 2014–2016 гг. позволили ВСУ создать резерв живой силы, необходимый для одноактного боевого развёртывания армии в случае резкой эскалации войны.

Зимой 2014–2015 гг. украинской стороной были достигнуты некоторые успехи и в деле ремонта вооружения и боевой техники, хотя ряд узких мест при этом по-прежнему давал о себе знать. Если производство силовых установок для транспортных и боевых вертолетов на Украине сохранилось, то удовлетворить потребности в турбореактивных двигателях, возникающие в ходе ремонта МиГ-29, Су-24, Су-25 и Су-27, можно было лишь за счет поставок из России.

К началу 2015 г. ситуацию с ремонтом боевой техники сухопутных войск также удалось несколько улучшить, хотя проблема морального устаревания оружия с помощью ремонта решена быть не могла. К 2016 г. начали подходить к концу запасные части, выпущенные в советское время, а потому темпы восстановления поврежденной техники быстро снижались. Прекращение интенсивных боевых действий, естественно, резко уменьшило потери, однако запасы всех видов материальной части, необходимые для оснащения и вооружения вновь формируемых частей и соединений ВСУ, по всей видимости, близки к исчерпанию [10, р. 25].

Новая техника поступает для перевооружения в недостаточных количествах. ВВС Украины сохраняют в относительно боеспособном состоянии примерно 120 самолетов и вертолетов. Военно-морской флот содержится по остаточному принципу, в 2016 г. в его состав впервые за многие годы вошло два новых корабля – речные бронекатера проекта 58150 «Гюрза-М» [10, р. 26]. Однако их боевая ценность весьма условна.

Рост продаж «Укроборонпрома» в течение 2015 г. составил 19,6%. Что характерно, основным источником роста стали не экспортные поставки, но заказы Министерства обороны Украины, обусловленные резким расширением оборонных расходов в связи с войной на Донбассе [11]. По всей видимости, сильно затянутся работы по развертыванию таких боевых систем, как оперативно-тактический ракетный комплекс «Гром-2» и 300-мм реактивная система залпового огня «Ольха», созданные, соответственно, на основе советских комплексов «Точка-У» и «Смерч» [10, р. 31-32].

Вследствие ограниченных масштабов национальной экономики, ресурсы, выделяемые Украиной на нужды обороны, значительны в относительном, но не в абсолютном выражении [12, р. 28]. В общем объеме военного бюджета 24% средств расходуется на боевую учебу и 60-65% – на текущее содержание военнослужащих, что в обозримой перспективе не

позволяет рассчитывать на перевооружение армии. 92% эксплуатируемого армией боевого снаряжения было выпущено более 20 лет назад, и лишь 1,2% моложе 10 лет. Массовый выход из строя предельно изношенной техники все сложнее компенсировать из наличных запасов.

При сложившихся обстоятельствах, украинский военно-промышленный комплекс вынужден ограничиться модернизацией имеющихся советских образцов военной техники, но даже ее выполнение представляет значительные трудности по причине острой зависимости от поставок российских комплектующих. Для стабилизации положения украинскому государству пришлось бы дополнительно изыскать минимум 5 млрд долл. на увеличение военного бюджета в 2020 г., но таких средств у Киева нет [12, с.29].

Военно-промышленный комплекс в поисках выхода из создавшегося положения

Оборонная индустрия Украины даже в разгар войны на Донбассе не отказывалась от работы на экспорт. Сумма таких поставок в 2014–2016 гг. оценивалась в 3,8 млрд. долл. В 2016 г. стоимость экспорта составила 756 млн долл. Для сравнения следует отметить, что в 2017 г. в рамках национального оборонного заказа на содержание материальной части армии планировалось израсходовать более чем вдвое меньшую сумму – 333 млн долл. [10, р. 28].

По-прежнему практиковалась продажа тяжелой бронетехники за границу, хотя на театре вооруженного конфликта наблюдался ее острый дефицит. По данным Государственной службы экспортного контроля в 2014–2018 гг. в Эфиопию, Нигерию, Демократическую Республику Конго и Таиланд было поставлено в общей сложности 107 танков моделей Т-72, Т-72М1, Т-64БВ-1 и Т-84БМ «Оплот» [13, с. 110].

В идеологическом дискурсе современной Украины доминирует идея вступления в НАТО и в Европейский Союз. Однако организационная и техническая реконструкция ВСУ в соответствии со стандартами НАТО будет связана с огромными сложностями. Очевидно, Киеву едва хватает средств на то, чтобы воспрепятствовать разложению той принципиально более дешевой в содержании массовой армии советского типа, которой он располагает.

Украинское государство оказалось неготовым к длительному экономическому спаду. Достигнув пика в 2015 г., военные расходы, вследствие падения курс гривны, вновь начали сокращаться. В 2016 г. затраты на ремонт, модернизацию и техническое перевооружение составили

лишь 60% от показателей 2015 г. Лишь 56 из 105 предприятий, входящих в «Укроборонпром», завершили 2016 финансовый год безубыточно [10, р. 28].

Для технологической модернизации и компенсации разрыва связей с российскими смежниками украинский военно-промышленный комплекс нуждается в валютной выручке от внешних заказов. С другой стороны, актуальные стратегические вызовы выдвигают перед оборонным комплексом совсем иные требования. Украинская армия в Донбассе в первую очередь нуждается в тех типах продукции, которую практически невозможно найти на коммерческом рынке вооружений ввиду низкого спроса на нее. Речь, в частности, идет об артиллерийских боеприпасах наиболее распространенных советских калибров – 122-мм и 152-мм.

Для обеспечения той позиционной войны, в которую к февралю 2015 г. вылился Донбасский конфликт, украинским войскам требовался не столько военно-технический хай-тек, позволяющий подражать первоклассным армиям государств Североатлантического Альянса, сколько полномасштабные поставки традиционных, пусть и не самых современных вооружений. Например, для поддержания боевой эффективности и покрытия тяжелых потерь украинские войска нуждаются в бронетехнике и автотранспорте в предельно упрощенной и удешевленной комплектации, рассчитанной на ее массовое серийное производство. Здесь и образуется замкнутый круг: запуск в серию остро необходимой армии, но не пользующейся при этом коммерческим спросом военной продукции, требует тех валютных средств, которые можно получить лишь на внешних экспортных рынках.

Опыт соседней Польши ясно свидетельствует о том, что в вопросе модернизации своей оборонной промышленности Украине не приходится рассчитывать на сколько-нибудь значительные западные кредиты. НАТО и Евросоюз крайне неохотно помогают в этом своим восточноевропейским союзникам, хотя именно Польша в военно-стратегическом отношении замыкает сегодня восточный фланг Альянса.¹

Противоречивый опыт Польши по введению в армии новых стандартов дает Украине целый ряд поучительных примеров. В то же время кажущееся сходство исторического опыта бывшей союзной республики и бывшей страны – члена Организации Варшавского Договора весьма обманчиво. Во-первых, военная промышленность Польши в советский период и количественно, и качественно сильно уступала военно-индустриальному комплексу, расположенному на территории СССР. Во-вторых, военно-промышленный комплекс социалистической Польши в

¹ Анализ особенностей развития военной промышленности современной Польши см.: [14].

меньшей степени был интегрирован с советской оборонной индустрией, так как удовлетворял главным образом потребности самого Войска Польского. Следовательно, безболезненно оборвать кооперационные связи Варшавы и Москвы было значительно проще.

Как и Украина, Польша прошла через многократное сокращение численности вооруженных сил и столкнулась с проблемой быстрого устаревания вооружений, накопленных в советский период. Относительно низкие технологические возможности национальной военной промышленности, очевидно, не соответствовали амбициям польской политической элиты. Провозглашенный – несмотря на вступление страны в НАТО – курс на всемерную «полонизацию» военного производства было крайне трудно реализовать на практике [14, с. 114-115]. Подключение же Варшавы к производственной кооперации с ведущими странами НАТО было возможно, во-первых, лишь в качестве политического жеста доброй воли со стороны ведущих членов Альянса, во-вторых, на сугубо второстепенных ролях. Украина, чья доля в инновационном сегменте мирового военного производства исчезающе мала и составляет всего 0,1%, вряд ли может рассчитывать на большее [1, с. 22].

Строго говоря, пример Польши должен не столько вдохновлять Киев, сколько служить для него предостережением. Гипотетическое партнерство с западными производителями, даже если НАТО и Евросоюз проявят к этому политическую волю, станет для украинского ВПК возможным лишь при радикальном сокращении его производственных объемов, а это будет означать дальнейшую деиндустриализацию страны.

Вместе с тем, при всех очевидных недостатках, материальное обеспечение национальной армии в относительно скромных, но позволяющих поддерживать шаткое стратегическое равновесие на Донбассе масштабах, в целом оказалось для украинской оборонной промышленности посильной задачей, а потому на востоке страны неопределенность ситуации «ни мира – ни войны» может затянуться надолго.

* * *

Характер ожидаемого вооруженного конфликта во многом предопределяет развитие военного строительства во всем многообразии его составных элементов. Это затрагивает и систему комплектования вооруженных сил, и организационные формы боевого применения войск на полях сражений, и подходы к строительству тыловой инфраструктуры. Перспективы развития военного производства страны, определение приоритетных его направлений немислимы в отрыве от постановки задач военной политики в целом, поскольку оборонная промышленность призвана

создавать материальные средства для ведения военных действий. Вне принципиального ответа на вопрос о конечной цели военных усилий любые мероприятия по реконструкции оборонно-промышленного комплекса становятся бессистемными и неэффективными. Разумеется, теоретически можно представить и чисто инерционное развитие ВПК, лишенное определенных приоритетов, однако масштабы движения при этом будут неизбежно ограничены.

Основное противоречие среднесрочной стратегии развития украинского военно-промышленного комплекса состоит в том, что те виды и типы вооружений, которые, исходя из условий войны на Донбассе, требуются украинской армии в первую очередь, практически не найдут спроса даже на рынках развивающихся стран. Это относится и к тяжелой бронетехнике, и к выпуску буксируемых и самоходных орудий, и к производству боеприпасов таких распространенных калибров, как 122-мм и 152-мм. Даже в армиях небогатых развивающихся стран интерес неуклонно смещается в сторону предложений более высокого ценового сегмента. Это мотивировано как соображениями престижа, так и логикой регионального соперничества.

В то же время без валютной выручки от экспортных контрактов серьезная реконструкция украинского ВПК невозможна. Киев едва ли может рассчитывать здесь на крупные западные кредиты, а при существующем объеме финансирования перестройка армии и промышленности в надежде на вступление страны в НАТО уничтожит остатки украинского военно-промышленного комплекса задолго до того, как эта мечта осуществится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кучеренков А.И. 2010. Современный оборонно-промышленный комплекс Украины и его конкуренция с российскими спецэкспортёрами на мировом рынке вооружений и военной техники. – *Аналитические обзоры РИСИ*. № 3 (26). М.: РИСИ, 32с.
2. Larsen S. 1997. *An Overview of Defense Conversion in the Ukraine*. –/ Bonn International Center for Conversion. Paper 9. June. 65p.
3. Шлыков В.В. 2002. Что погубило Советский Союз? Генштаб и экономика. – *Военный вестник МФИТ*. № 9. С. 1-192.
4. Rumer E., McLees A. 2014. *Saving Ukraine`s Defence Industry*. – *Carnegie Endowment for International Peace*. ETHZurich. 12 August.
5. Потемкина М. 2015. Оборонно-промышленный комплекс Украины: понятие структура, правовое положение, актуальные проблемы и реформирование. – *Legea Si Viata*. Decembrie. P. 97-102.

6. Johannesson J. 2017. Russia`s War with Ukraine is to Acquire Military Industrial Capability and Human Resources. – *Journal of Industrial Studies*. No 10 (4). P. 63-71.
7. Defence Industries in Russia and China: Players and Strategies. 2017. – *ISSUE. Report* No 38. – December. EU Institute for Security Studies. 88p.
8. Kulik S. 2018. Russia vis-à-vis Ukraine: On Some Economic Costs. – *BSR Policy Briefing Series*. NO 2. Centrum Balticum. 16p.
9. Conolly R., Boulegue M. 2018. Russia`s New State Armament Programme Implications for the Russian Armed Forces and Military Capabilities to 2027. – *Chatham House Research Paper*. May. The Royal Institute of International Affairs. Russia and Eurasia Programme. 41p.
10. Wilk A. 2017. The Best Army Ukraine Has Ever Had. Changes in Ukraine`s Armed Forces Since the Russian Aggression. – *OSW Studies*. No. 66. July. Warsaw. 44p.
11. Fleurant A., Perlo-Freeman S., Wezeman P.D., Wezeman S.T., Kelly N. 2016. The SIPRI Top 100 Arms-Producing and Military Services Companies, 2015. – *SIPRI Fact Sheet*. December. Stockholm International Peace Research Institute.
12. Facon I. 2017. Reforming Ukrainian Defense: No Shortage of Challenges. – *Notes de l'Ifri*. Russie. Nei Visions 101. May. Brussel. 33p.
13. *Зарубежное военное обозрение*. 2019. № 8. К событиям на Украине.
14. Офицеров-Бельский Д.В. 2016. Проблемы и противоречия модернизации вооруженных сил Польши. – *Вестник Московского университета*. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. № 3. С. 100-135.